

Научно-исследовательская статья
УДК 821.161.1-31Гончаров.04
DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-101-117

ПРИНЦИП СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В ХАРАКТЕРОЛОГИИ РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Лоскутникова Мария Борисовна

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация;
loskutnikovamb@mgpu.ru, AuthorID: 705715

Аннотация. В статье рассмотрена авторская телеология в романе «Обыкновенная история», согласно принципам которой Гончаров осуществил сопоставление прагматического миропонимания Адуева-старшего и поначалу книжно-романтического мировидения Адуева-младшего, вписав его в общую сравнительно-сопоставительную систему характерологии. Основным ракурсом изучения произведения стало постоянное возвращение дяди и племянника, а также их персонажного окружения к знаку «небо» как речевой данности в ее культурно-историческом значении. Установлено, что в произведении отражены прежде всего национально-конфессиональные традиции. В свете развития в понятийно-аллегорическом знаке «небо» его идейно-символической семантики в романе очевидно обнаруживаются особенности авторской позиции не только в сюжетно-композиционном движении художественного целого, но и в его мотивно-архитектонической организации. В использовании писателем приема указания на «вещественную модель» неба (покрова, покрывала) ярко проявляется иронический модус произведения и его разнооттеночный характер.

Ключевые слова: понятийно-аллегорические и идейно-символические знаки в литературном произведении, авторская телеология, ирония.

Для цитирования: Лоскутникова М.Б. Принцип сравнительно-сопоставительного изображения в характерологии романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история» // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 101–117. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-101-117.

Original research article

THE PRINCIPLE OF COMPARATIVE-CONTRASTIVE IMAGE IN THE CHARACTEROLOGY OF I.A. GONCHAROV'S NOVEL “AN ORDINARY STORY”

Maria B. Loskutnikova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;
loskutnikovamb@mgpu.ru, AuthorID: 705715

Abstract. The author's teleology in the novel “An Ordinary Story”, according to the principles of which Goncharov carried out a comparison of the pragmatic worldview of Aduiev Sr. and the initially bookish-romantic worldview of Aduiev Jr., incorporating it into the general comparative-contrastive system of characterology, is examined in the article. The main angle of study of the work was the constant return of the uncle and nephew, as well as their character environment, to the sign “sky” as a speech given in its cultural and historical meaning. It has been established that the work primarily reflects national and religious traditions. In light of the development of the conceptual and allegorical sign “sky” and its ideological and symbolic semantics in the novel, the peculiarities of the author's position are clearly revealed not only in the plot and compositional movement of the artistic whole, but also in its motivic and architectonic organization. The writer's use of the technique of indicating the “material model” of the sky (covering, veil) clearly reveals the ironic mode of the work and its multi-hued character.

Keywords: conceptual-allegorical and ideological-symbolic signs in a literary work, author's teleology, irony.

For citation: Loskutnikova Maria B. The Principle of Comparative-contrastive Image in the Characterology of I.A. Goncharov's Novel “An Ordinary Story” // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2024. Pp. 101–117. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-101-117.

© Лоскутникова М.Б., 2024

Введение

В исследовательской практике многократно отмечалось, что в творческом представлении Гончаровым действительности продуктивно-значимую роль играет сравнительно-сопоставительное изобразительно-выразительное начало. В частности, многие гончароведы и историки русской литературы, рассматривая как романы писателя, так и иные его произведения, касались вопроса о явно или завуалированно контрастном изображении героев и персонажей. В последнюю четверть века такие наблюдения, вскользь

упоминаемые или немногим более развернутые, содержатся в ряде публикаций [Краснощекова, 1997, с. 91, 341; Постнов, 1997, с. 154; Гузь, 2008, с. 67; Шутая, 2012, с. 63; Багаутдинова, 2012, с. 75; Кормилов, 2012, с. 131; Казакова, 2017, с. 20; Павлович, 2023, с. 322; Эрлих, 2023, с. 106]. В текстологические комментарии Л.С. Гейро включены многие подобные суждения – например, о Марке Волохове, когда исследователь акцентировала внимание на том, что именно «в сопоставлении с другими героями» Гончаров находит «определение человеческой и духовной сущности» этого персонажа [Гейро, 2000, с. 114].

Системное понимание художественной картины мира Гончарова было сформулировано В.А. Недзвецким [Недзвецкий, 1992]. Так, определяя своеобразие сюжетно-композиционных решений писателя, ученый свидетельствовал, что художественной манере Гончарова свойственны «различные сопоставления и противопоставления основных структурных единиц, а также повторы или вариации ряда опорных ситуаций и сцен, наконец, проходящие через весь роман лейтмотивы» [здесь и ниже: Недзвецкий, 2010, с. 45, 61]. Ученый справедливо полагал, что «при всей комбинационной неповторимости внутренних отношений компонентов» указанный композиционный принцип «во всех трех романах писателя остается в значительной мере единым».

На протяжении последнего 100-летия в гончароведении появлялись и отдельные упоминания о существенной роли речевой фигуры сравнения в романистике писателя [Цейтлин, 1929, т. 2, стлб. 624; Отрадин, 1994, с. 81]. В частности, отмечалось, что «в реалистической системе Гончарова исключительное значение приобретают <...> развернутые сравнения, второй член которых порой разрастается в самостоятельную поэтическую картину» [Пруцков, 1962, с. 100], наконец, что «Гончаров вообще любит сравнительные обороты, укрупняющие повествование» [Бухаркин, 1992, с. 129].

Материалом исследования в данной статье стал роман Гончарова «Обыкновенная история» (1847), рассмотренный сквозь призму семантического и аксиологического наполнения знака «небо», представленного как в диалогах Александра и Петра Адуевых, так и в высказываниях второстепенных и эпизодических персонажей. *Цель* работы состоит в выявлении последовательного сравнительно-сопоставительного изображения характеров, осуществленного писателем средствами как сюжетно-композиционной, так и мотививно-архитектонической организации художественного целого. Изучение телеологического своеобразия романа проводилось в рамках аналитически-интерпретационного *метода* в осмыслении литературного произведения.

Основная часть

1. Знак «небо» в историко-культурных традициях

Историко-культурное значение понятийно-аллегорического знака неба в художественной литературе велико. Как сам знак, так и его толкование представлены в мифологиях разных народов. В обобщенном смысле небо –

это «абсолютное воплощение верха, члена одной из основных семантических оппозиций» (верх и низ); небо «простерто над всем, всё “видит”, отсюда его всеведение; оно внешне по отношению ко всем предметам мира, поэтому оно “дом” всего мира» [Брагинская, 1994, с. 206–207]. Следует также отметить, что, согласно философии Конфуция (мыслителя VI–V веков до н. э.), Китай как подвластная китайскому императору территория названа Поднебесной, а это мир, в котором столичным святилищем является храм Неба.

Несмотря на техническое освоение в последние без малого полтора века воздушных пространств, в речевом обиходе сохранились устойчивые выражения и формулы «небожитель», «на седьмом небе» и др., а в устремлениях градостроительной, к примеру, практики возникли покровительственно-иронические оценки «небоскреб» и др. Так, фразеологизм «небо с овчинку» потребовался А.С. Пушкину в повести «Капитанская дочка» – в изображении телеологически обусловленной пограничной ситуации между жизнью и смертью, в которой оказался молодой офицер Петр Гринёв с началом гражданской войны, т. е. Пугачевского восстания 1773–1775 годов. Иное – неспособность понять и оценить происходящее – представлено во фразеологизме «пальцем в небо», которую вводили для точности в характерологии и Н.В. Гоголь (сатирическая комедия «Ревизор»), и Н.А. Некрасов (поэма «Кому на Руси жить хорошо»), и многократно М.Е. Салтыков-Щедрин (роман «Пошехонская старина»), цикл рассказов «Мелочи жизни» и проч.). А.П. Чехов ввел в пьесу «Дядя Ваня» ободряющую фразу «небо в алмазах», утешающе-прогностически определяя столь ожидаемое героями будущее и надежды, с ним связанные. Примеры можно множить. Остается добавить, что мастерство писателей в фиксации наблюдений за знаками неба и жизненных впечатлений в антитезе «земное – небесное» в художественной литературе символически-многопланово и разновекторно, что представлено также в выражениях «семь верст до небес», «коптить небо», «гром среди ясного неба» и др.

Но следует обратиться прежде всего к аутентичному эпохе Гончарова христианско-православному пониманию неба, поскольку творчество писателя и сама его личность – материал, предмет и объект нашего рассмотрения. Для этого возьмем издание комментариев к Библии 1892 года – современного эпохе И.А. Гончарова (1812–1891). В книге сказано, что «означенное слово употребляется въ Свящ. Писаніи въ различном смыслѣ», – и приведено три позиции. 1) «Иногда оно означает просто атмосферу, непосредственно окружающую землю» («всѣ народы подѣ всѣмъ небомъ»). 2) «Въ другомъ смыслѣ подѣ небомъ разумѣется небесная твердь или сводъ небесный, на которомъ вращаются солнце, луна, звѣзды и другія небесныя тѣла», – «это небо говоритъ намъ о Богѣ, поражая наше зрѣніе своею красотою, величіемъ и гармонією». 3) «Наконецъ кромѣ атмосферы, тверди, подѣ словомъ небо разумѣются такъ называемыя небеса небесъ. Это невидимый, невещественный

міръ, быть можетъ то самое третье небо, о которомъ упоминаетъ св. ап. Павелъ». К 3-му смысловому значению даны уточнения: «Здѣсь, на высотѣ небесной находится святое особенное мѣсто вездѣприсутствія Божія; здѣсь престоль Его, здѣсь Онъ ходитъ по небесному кругу <...>; здѣсь особенно присутствуетъ Господь Іисусъ Христовъ»; «Это небо есть мѣстопробываніе ангеловъ всѣхъ чиновъ»; «Съ этого неба Господь приходилъ на землю, туда Онъ вознесся и оттуда снова придетъ судить живыхъ и мертвыхъ» [Небо, 1990].

В этой связи следует сразу отметить, что уже в первом романе Гончарова знак «небо», как и ряд других, проявляется в системе понятийно-аллегорических и идейно-символических знаков как общекультурная тенденция; в отношении знака «небо» – как в первую очередь русская национально-конфессиональная традиция.

2. Особенности авторской телеологии в характерологии романа «Обыкновенная история»

Целеполагающие позиции дяди и племянника, составляющие смысловое ядро произведения, определены иронической авторской телеологией в демонстрации прагматического миропонимания Адуева-старшего и трансформации книжно-романтического мировидения Адуева-младшего, приведшей последнего к выхолощенности души. При этом «обыкновенность» узко-семейной, казалось бы, «истории» совсем не проста и далеко не однозначна, поскольку родственники, в равной мере образованные и к тому же добившиеся неординарных успехов на чиновничьем поприще, на самом деле не похожи друг на друга (хотя в финальной сцене, «любуюсь», как подчеркивает повествователь, Александром, Петр Иванович с удовлетворением констатирует: «продолжай идти во всем по моим следам») [Гончаров, 1997, с. 469, 468]. Принципиальное же отличие дяди и племянника состоит в том, что у первого есть еще и талант нового «сына времени» – зарождающегося типа предпринимателя, промышленника, инициативного человека дела, что чуждо Адуеву-младшему.

Иными словами, по факту Петр Иванович куда более крупная, по Гончарову, личность, нежели Александр [Лоскутникова, 2023]. Александр же – его уменьшенная в масштабе личности копия, сведенная лишь к чиновничьей деятельности (что само по себе – при условии честной работы, не подверженной приспособленческой конъюнктурности и тем более мздоимству, – тоже, конечно, немаловажно).

Романное целое организовано Гончаровым как две равновеликие по объему части, завершением чего является эпилог. Однако авторская мысль не предполагала упрощенного деления текстового корпуса на изображение восторженности Адуева-младшего, активно критикуемой Адуевым-старшим, в первой части произведения – и на демонстрацию избавления молодого героя от ложно-романтических мечтаний во второй части. В намерения писателя входила задача запечатлеть «обыкновенную», т. е. вероятностную,

более того – высокочастотную историю современника: счастливую (хотя и грустную) возможность освобождения, с одной стороны, от несостоятельных и нежизнеспособных прожектов (прежде всего творческих, в силу отсутствия таланта) и, с другой, горькую, вследствие радикального и при этом некритического расставания со всеми былыми идеалами, включая естественное душевное тепло (и этой последней потери не каждый человек может избежать).

3. Знаковая направленность в достижении авторских целей как организующий принцип романного целого

Безусловной характеристикой русской истории периода современной Гончарову эпохи были православно-христианские нормы жизни. Так, провояжая единственного 20-летнего сына, уже получившего университетское образование, на чужбину, на сей раз в столицу, в Петербург, для обретения им весомого общественного положения и новых горизонтов, маменька Анна Павловна наставляет Александра: «Надеюсь, Он, Отец мой небесный, подкрепит тебя; а ты, мой друг, пуще всего не забывай Его, помни, что без веры нет спасения нигде и ни в чем», и напутствует: «Вымолю тебе и здоровья, и чинов, и крестов, и небесных и земных благ»; наконец с высоты своего миропонимания увещевает: «блюда посты, мой друг: это великое дело! В среду и пятницу – Бог простит; а в Великий пост – Боже оборони!» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 182, 183, 444]. В простодушно-изворотливом обиходе маменьки есть и такие указания: «К слову пришлось о нищих. Не трать на них денег по-пустому, помногу не давай. <...> Бог подаст!». Когда же, спустя восемь лет пребывания в Петербурге, Александр, не добившись успехов, впервые возвращается домой, в Грачи, в его памяти всплывают картины детства и юности: «Он <...> вспомнил, как, будучи ребенком, <...> повторял за матерью молитвы, как она твердила ему об ангеле-хранителе, который стоит на страже души человеческой и вечно враждует с нечистым; как она, указывая ему на звезды, говорила, что это очи Божиих ангелов, которые смотрят на мир и считают добрые и злые дела людей; как небожители плачут, когда в итоге окажется больше злых, нежели добрых, дел, и как радуются, когда добрые дела превышают злые».

Остается уточнить, что в ходу у романских персонажей поминовение усопших – как естественная речевая конструкция в устах современников Гончарова (и не только). В частности, Анна Павловна отзывается на смерть соседа: «царство ему небесное!», а сосед Адуевых, Заезжалов, в письме Петру Иванычу, переданном с Александром, считает нужным упомянуть его покойного старшего брата (отца Александра): «дай Бог ему царствие небесное» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 187, 195, 178]. К тому же в речевой культуре романских персонажей эпитет «небесный» означает высшую красоту и гармонию. Так, маменька Анна Павловна, стремясь удержать сына в Грачах, указывает на вид из окон дома: «Погляди-ка, озеро: что за великолепие!

истинно небесное!»).

Александр равнодушен к красоте природы. Однако его представления о прекрасном носят условно-книжный характер (хотя имплицитно и содержат в себе каноны воспитания). Так, Петр Иванович, читая стихи племянника («Небес далеких тишина // В тот миг ужасна и страшна...»), поначалу дает лишь уточняющий комментарий: «Ужасна и страшна – одно и то же» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 224, 223]. Однако, читая написанное дальше («Гляжу на небо: там луна...»), Петр Иванович уже раздражается: «Луна непременно: без нее никак нельзя! Если у тебя тут есть *мечта* и *дева* – ты погиб: я отступаюсь от тебя». И действительно: луна, в представлениях Адуева-младшего, «Безмолвно плавает, сияя, // И мнится, в ней погребена // От века тайна роковая». Беспомощная вторичность и бездарность стихоплета очевидны. При этом дядя настойчиво объясняет племяннику, что «поэт не небожитель, а человек».

В дальнейшем, как показано во второй части романа, Александр уже не занимается стихотворным графоманством, но и в стихах чужого авторства еще годами склонен по-прежнему воспринимать привычные знаки, хотя и с иным содержательным, нежели в его юношеских упоениях и упованиях, вектором. Как аргумент такого мироощущения молодого человека Гончаров вводит строчки из стихотворения идеолога славянофильской традиции А.С. Хомякова «Желание покоя» (1825): «Я сердца усмирю заботы, // Я думаю не велью летать; // Небес на тихое сиянье // Я не велью глазам своим взирать» [Хомяков, 2021, с. 110].

Так, согласно авторскому замыслу, понятийно-аллегорический знак «небо», с его однозначным смысловым ядром, предполагает наполнение иной – уже идейно-символической семантикой.

4. Сюжетное движение в романе «Обыкновенная история» в свете развития в знаке «небо» идейно-символической семантики

Сюжетной завязкой в романе становятся диалоги дяди и племянника Адуевых. С самого начала сюжетного действия (часть первая, глава вторая), когда Александр, приехав в Петербург и найдя квартиру, снимаемую дядей, беспрерывно бросается к нему, чтобы обнять его и поцеловать, Петр Иванович осознает, что с племянником придется серьезно поработать, чтобы объяснить ему правила адекватного жизненным обстоятельствам поведения, и начинает с главного вопроса: с какой целью Александр приехал в Петербург? Услышав ответ молодого родственника, что он «приехал... жить», т. е., уточняет сам Александр, «пользоваться жизнью», поскольку ему «в деревне надоело» (причем жить он собирается на получаемые от маменьки «две тысячи пятьсот рублей в год», тогда как Петр Иванович оценивает подобный образ жизни в пятьдесят тысяч в год), Адуев-старший поневоле призадумался [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 207, 183, 210, 211]. Слушая же выпретенные заявления племянника о любви и дружбе как «небесных» чувствах, Петр Иванович, не отрицая их, призывает Александра сосредоточиться на работе, а не на – цитируя племянника

– «священных да небесных чувствах». Дядя рекомендует: «приглядывайся к делу», а также дает совет: если «добродетелью русских» считать, как думает Александр, открытость всем и каждому, без разбора, то, по убеждению Петра Ивановича, радостный прием бесцеремонных гостей объясняется только одним, когда «от скуки <...> всякому мерзавцу рады»: «займи как-нибудь нашу праздность». Адуев-старший же определяет такую национальную черту как «препротивную добродетель».

Для психологического углубления в изображении миропонимания как Александра, так и Петра Адуевых Гончаров вводит прием письма, которое через две недели после приезда в столицу пишет младший из родственников, а затем текст этого послания корректирует старший. Так, молодой человек, изливая свои наблюдения другу Пospelову, замечает: «Дядюшка у меня, кажется, добрый человек <...>, очень умен, только <...> вечно в делах, в расчетах... Дух его будто прикован к земле и никогда не возносится до чистого, изолированного от земных дрязгов созерцания явлений духовной природы человека. Небо у него неразрывно связано с землей, и мы с ним, кажется, никогда совершенно не сольемся душами» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 212, 217, 218]. Эту свою характеристику видоизменяет сам Петр Иванович: «Дядя мой ни демон, ни ангел, а такой же человек, как и все, <...> только не совсем похож на нас с тобой. Он думает и чувствует по-земному, полагает, что если мы живем на земле, так и не надо улетать с нее на небо, где нас теперь пока не спрашивают, а заниматься человеческими делами, к которым мы призваны. <...> Любви и дружбе тоже верит, только не думает, что они упали с неба в грязь, а полагает, что они созданы вместе с людьми и для людей».

Центральной событийной гранью «обыкновенного» пребывания Александра Адуева в Петербурге Гончаров в первой части романа делает историю молодого человека и его новой, уже столичной, возлюбленной – Надиньки Любецкой. Александр грезит о поцелуе девушки: «о, какая высокая, небесная награда» – это «мечты, небо, звезды» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 239, 260, 283, 236, 308]. Но когда Надинька заинтересовалась графом Новинским, Александр вне себя: «вы сто раз клялись принадлежать мне: “Эти клятвы слышит Бог!” – говорили вы. Да, Он слышал их! вы должны краснеть и перед небом, и перед этими деревьями, перед каждой травкой...». Обрамлением случившейся «обыкновенной» истории влюбленности становятся наблюдения Петра Ивановича, поначалу оцениваемые им как пребывание племянника «на седьмом небе» (Александр пропадал вечерами у Надиньки, т. е. был «вон где – на седьмом небе»), а спустя время Адуев-старший констатирует: «А ты воображаешь, что ты с могучей душой? Вчера от радости был на седьмом небе, а чуть немного того... так и не умеешь перенести горя».

Вторая часть романа организована автором как поиски молодым героем смысла своей жизни: что есть ее целеполагание и что наконец есть счастье.

Теперь свои монологи Александр Адуев может обращать не только к дяде, но и к его жене – тетушке Лизавете Александровне, образованной, тонкой в суждениях, мудрой (хотя еще и совсем молодой) женщине. Так, повествуя о своем идеале любви, Александр, «возводя взоры к небу» (как иронически очерчивает его облик и мимику повествователь), клянется, что посвятил бы «всю жизнь» своей избраннице, однако потребовал бы, чтобы «любимая женщина» отказалась «замечать, видеть других мужчин»: «все они должны казаться ей невыносимы» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 312, 320]. Петру Иванычу частичное переключение излияний Александра на жену представляется почти избавлением от досадливых родственных хлопот: «он у меня вот где сидит! – сказал Петр Иваныч, показывая на шею. – <...> Шесть лет вожусь с ним».

Но Александр по-прежнему жаждет жить «в идеальном мире», в котором «небо кажется чище», хотя его реферативные статьи о сельском хозяйстве уже выявляют в нем, по мнению редактора журнала, «ученого производителя, а не ремесленника», а отказ от мысли «витать в небесных пространствах» – это, в понимании Петра Иваныча, уже маленький шаг навстречу фортуне [Гончаров, 1997, с. 324, 335]. Гнетущим грузом в жизни Александра оказалась и «обыкновенная» история с Юлией Тафаевой, когда молодой человек, поначалу увлекшись ею в соответствии со своими представлениями об «идеальной» любви, сам же разочаровался в своих совсем не «небесных» чувствах.

В итоге, отмечает повествователь, «чего он [Александр] хотел, и сам не знал; а как многого не хотел!» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 389, 391, 400, 401–402]. «Досада» и «отчаяние» – вот состояние, в которое впал молодой человек. Вспоминая свою жизнь в Грачах, герой приходит к мысли, что «божественная искра небесного огня» в нем – первом среди равных во всей провинциально-родовой округе – не позволила бы ему испытать боль и разочарование. Во встреченной им Лизе-Антигоне, девушке с «ясным, как летнее небо, лицом», с которой Александр ведет себя уже как заправский обольститель, молодой человек стремится посеять неуверенность в себе: «Зачем вам читать Байрона? <...> может быть, жизнь ваша протечет тихо, как этот ручей: видите, как он мал, мелок; он не отразит ни целого неба в себе, ни туч; <...> отражает он только зелень берегов, клочок неба да маленькие облака <...> не смотрите вдаль, живите день за днем».

С наступлением очередной осени сама природа становится иллюстрацией к облику героя, растерявшего свои былые восторги и при этом не нашедшего новых ориентиров: «Желтые листья падали с деревьев и усеяли берега; зелень полиняла; река приняла свинцовый цвет; небо было постоянно серо» [Гончаров, 1997, с. 409].

Поначалу возвращение Александра домой, в Грачи, благотворно сказалось на нем: «Боже мой! как здесь хорошо <...> Не над чем задумываться. Беззаботно, без тягостной мысли, <...> с дремлющим сердцем и умом <...> скользишь взглядом от рощи к пашне, от пашни к холму и потом погружаешь

его в бездонную синеву неба» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 446, 447, 448, 440]. Александр «начал постигать поэзию *серенького неба, сломанного забора, калитки, грязного пруда и трепака*». Однако по истечении полутора лет он «стал опять задумываться», и «ему мало-помалу надоел тесный домашний круг», с неизменным соседом Антоном Ивановичем и его бормотанием «благодарю тебя, Боже мой <...> яко насытил мя еси небесных благ... что я! замолелся язык-то: земных благ, – и не лиши меня небесного Твоего царствия». В результате герой «помирился с прошедшим: оно стало ему мило». Смерть матери позволила Александру уехать из Грачей, снова в Петербург, без мучений совести по оставленной в одиночестве родительнице, столь сильно его любившей.

В эпилоге постаревший Петр Иванович припоминает племяннику, как тот «бесновался в конвульсиях» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 464, 465, 468]. По возвращении в Петербург «бешеная ревность [Александра], порывы, небесное блаженство» – «куда всё это девалось?..». Неспособность племянника в первый его приезд в столицу ставить реалистичные цели и достигать их Адуев-старший объясняет, как ему кажется, очевидностью: «Ты всё забирал себе в голову замогильные вопросы, улетал в небеса... но всё прошло – и слава Богу!».

Однако романная авторская телеология куда сложнее, чем то, как она непосредственно разработана Гончаровым в монологах и репликах Петра Ивановича. Сугубо прагматическое миропонимание Адуева-старшего доставило ему радость труда и созидания, но лишило его одной из главных «вечных» ценностей – счастья в любви и семейном союзе. Племянник же, избавившись от книжно-романтического мировидения, заодно утратил и обращение к историко-культурным знакам неба, которые неизменно живы в сознании и речи Адуева-старшего. Эта ирония, горькая в романе «Обыкновенная история» в отношении как дяди, так и племянника (причем горькая по-разному), является яркой особенностью таланта Гончарова-романиста.

5. Авторская ирония в романе «Обыкновенная история» и ее оттенки (на материале «вещественной модели» неба)

«Вещественной моделью Н<еба>» исследователи мифологии называют покрывало [Брагинская, 1994, с. 208]. В романе «Обыкновенная история» автор представляет этот знак двояко: с одной стороны, как предостережение от сдергивания «покрывала с священных тайн» и, с другой, как комическое указание на средство от «проклятых мух» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 240, 199]. В обоих случаях авторская мысль иронически окрашена, но при этом разнонаправленна.

Так, переходя в первой части романа от экспозиционной первой главы к главе второй, в которой начинается формирование сюжетной завязки и конфликтосферы, автор вводит текст письма Анны Павловны Адуевой (любящей, заботливой матери и, к прискорбию, очень недалекой особы) к своему деверю Петру Ивановичу. В нем звучит искренняя и глубокая боль

немолодой женщины, вдовы: «Бог один знает, что вытерпело мое материнское сердце, отпускаючи его [сына] на чужую сторону. Отправляю его, моего друга, прямо к вам: не велела нигде приставать, кроме вас...» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 198, 199]. Последняя сентенция сопровождается комментарием повествователя: «глупая старуха!» – «проворчал» Петр Иванович. В развитии своей, как ей представляется, единственно правильной мысли, Анна Павловна замечает: «Он [Александр], пожалуй, по неопытности, остановился бы на постоялом дворе, но я знаю, как это может огорчить родного дядю, и внушила взехать прямо к вам. То-то будет у вас радости при свидании!». Наконец звучит конкретика напористо-требовательной просьбы: «Ночью, – ведь вы, я чай, в одной комнате будете спать, – Сашенька привык лежать на спине: от этого, сердечный, больно стонет и мечется; вы тихонько разбудите его да перекрестите: сейчас и пройдет, а летом *покрывайте ему рот платочком*: он его разевает во сне, а проклятые мухи так туда и лезут под утро» (Курсив мой. – М.Л.). Таким образом, великолепный комизм, выраженный в иронической стилизации речи провинциалки как ее настойчиво-надоедливое увещевания, увенчан знаком покрывала.

В совершенно ином свете показана «вещественная модель мира» в отношении трепетного молодого чувства если не любви, то, несомненно, влюбленности, над чем (солидаризируясь с Александром Адуевым, очевидно признает автор) нельзя «шутить» и «играть им холодно» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 240]. В этой связи вновь обратимся к представлениям молодого человека, мечтающего о поцелуе Надиньки Любецкой и уверенного в ту пору в том, что нельзя «*сдергивать покрывала с священных тайн...*» (Курсив мой. – М.Л.). Петр Иванович же деловито настаивает, что Александр будет «любить, как и другие, ни глубже, ни сильнее» – и будет «также сдергивать и покрывало с тайн...». При этом Адуев-старший мудро признает, что в последнем человек «сам себе» готовит «горя более, нежели сколько бы его должно быть» (хотя воспоминание о Марье Горбатовой и желтых цветах вызывает у Петра Ивановича не горечь, а досаду). Но непонятная Адуеву-старшему болезнь жены Лизаветы Александровны действительно заставила его страдать, результатом чего стало прощание с той высокой целью, к которой он шел всю свою жизнь. В этом последнем заключена трагедийная ирония автора.

В заключение приведем данные лингвистического анализа. Так, легендарная гончаровская ирония [Гродецкая, 2013; Лоскутникова, 2013] находит подтверждение в современном дистрибутивно-статистическом исследовании языка русской прозы 1850–1870-х годов: словоупотребление «ирония» в произведениях Гончарова из расчета относительной частоты на 1 млн словоупотреблений превышает данную практику не только в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина (что было бы ожидаемо), но намного превышает ее в произведениях современников писателя – И.С. Тургенева,

Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского, А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова [Шайкевич и др., 2016, с. 496].

Заключение

Таким образом, в проведенном исследовании, осуществленном с опорой на знак «небо» в историко-культурных традициях (прежде всего в произведениях русской литературной классики), выявлены некоторые особенности авторской телеологии в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история». В свете развития в произведении идейно-символической семантики в знаке «небо» прослежено сюжетное движение в поэтапно-последовательном достижении авторских целей. На примере «вещественной модели» неба рассмотрена разнооттеночная ирония писателя.

В результате Гончаров, освоив в первом своем романе принципы сравнительно-сопоставительного изображения характеров, вывел для себя «формулу» авторского успеха: любой характер можно наиболее полно раскрыть при взгляде «со стороны» – сквозь призму изображения иных героев и персонажей. Это художественное открытие получило дальнейшее развитие во втором романе Гончарова – «Обломов», в котором писатель активно использует как бинарные оппозиции (Обломов – Штольц, Ольга Ильинская – Агафья Пшеницына, Обломов – Захар и др.), так и многофигурные сопоставления. Последний принцип изображения в полной мере творчески реализован в заключительном романе авторской трилогии – «Обрыв».

Источники

Гончаров И.А. Обыкновенная история // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 тт. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 172–469.

Небо // Полная популярная Библейская энциклопедия, в 4-х выпусках / Трудь и издание Архимандрита Никифора. М.: Типография А.И. Снегиревой. Остоженка, Савеловский переулок, собств. домъ. Репринтное издание. М.: Изд. Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990. С. 508.

Хомяков А.С. Желание покоя // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. и писем: в 12 тт. СПб.: Росток, 2021. Т. 1. С. 110–112.

Литература

Багаутдинова Г.Н. Ритмообразующие факторы в повести И.А. Гончарова «Лихая болезнь» // Материалы V Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. рус. и заруб. авторов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 74–81.

Брагинская Н.В. Небо // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 тт. 2-е изд. М.: Российская энциклопедия; Минск: Дилер; Смоленск: Русич, 1994. Т. 2. С. 206–208.

Бухаркин П.Е. «Образ мира, в слове явленный»: (Стилистические проблемы

«Обломова») // От Пушкина до Белого: Проблемы поэтики русского реализма XIX — начала XX века: Межвуз. сб. / Под ред. В.М. Марковича. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. С. 118–135.

Гейро Л.С. «Сообразно времени и обстоятельствам»: (Творческая история романа «Обрыв») // И.А. Гончаров: Новые материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 83–183.

Гродецкая А.Г. «Пафос середины»: ирония и автоирония у Гончарова // Гончаров: живая перспектива прозы: науч. ст. о творчестве И.А. Гончарова. Bibliotheca Slavica Savariensis. Т. XIII. Szombathely: University of West Hungary Press, 2013. С. 38–49.

Гузь Н.А. Художественный мир романов И.А. Гончарова. 2-е изд., испр. и доп. Бийск: БГПУ им. В.М. Шукшина, 2008. 217 с.

Казакова С.К. Ирония судьбы и ирония повествования в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» // Материалы VI Международной научной конференции, посвящённой 205-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. рус. и заруб. авторов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. С. 14–25.

Кормилов С.И. Столбовой дворянин и знаки социального престижа: чины, ордена, титулы в «Обломове» И.А. Гончарова // Материалы V Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. рус. и заруб. авторов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 131–143.

Краснощекова Е.А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 494 с.

Лоскутникова М.Б. Мотив труда и новаторский тип героя – предпринимателя и промышленника в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» // Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 210-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. рус. и заруб. авторов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2023. С. 142–151.

Лоскутникова М.Б. Поликультурное понимание иронии в творчестве И. Гончарова и особенности исследовательских позиций // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Вып. 8. Вильнюс: Литовский эдукологический университет, 2013. С. 21–35.

Недзвецкий В.А. И.А. Гончаров – романист и художник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 176 с.

Недзвецкий В.А. Роман И.А. Гончарова «Обломов»: Путеводитель по тексту. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 224 с.

Отрадин М.В. Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 169 с.

Павлович В.В. Рецепция А.В. Никитенко романа И.А. Гончарова «Обломов» // Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 210-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. рус. и заруб. авторов.

Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2023. С. 311–325.

Постнов О.Г. Эстетика И.А. Гончарова. Новосибирск: Наука. Сибирское изд.-полиграф. и книготорг. предприятие, 1997. 240 с.

Пруцков Н.И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 230 с.

Цейтлин А.Г. Гончаров Иван Александрович // Литературная энциклопедия: в 12 тт. Т. 2. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929. Стлб. 616–626.

Шайкевич А.Я., Андриющенко В.М., Ребецкая Н.А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Т. 2. М.: Изд. Дом ЯСК, 2016. 848 с.

Шутая Н.К. Дорога к усадьбе (на материале романов И.А. Гончарова) // Материалы V Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. рус. и заруб. авторов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 58–65.

Эрлих М.А. Ключевые концепты сознания петербургского чиновника в романной трилогии И.А. Гончарова // Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 210-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. рус. и заруб. авторов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2023. С. 106–111.

References

Sources

Goncharov I.A. *Obyknovennaja istorija* [An Ordinary Story] // Goncharov I.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 tt.* [Complete Works and Letters: in 20 vols.]. SPb.: Nauka Publishing House, 1997. V. 1. Pp. 172–469.

Nebo [Sky] // *Polnaja populjarnaja Biblejskaja jenciklopedija, v 4-h vypuskah / Trud i izdanie Arhimandrita Nikifora* [Complete Popular Bible Encyclopedia, in 4 Issues / Work and Publication of Archimandrite Nicephorus]. М.: Printing House of A.I. Snegireva. Ostozhenka, Savelovsky Lane, Private House, 1891. Reprint edition. М.: Publishing House of the Holy Trinity Lavra of St. Sergius, 1990. P. 508.

Khomyakov A.S. *Zhelanie pokoja* [Desire for Peace] // Khomyakov A.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 12 tt.* [Complete Works and Letters: in 2 vols.]. SPb.: Rostok Press, 2021. V. 1. Pp. 110–112.

Literature

Bagautdinova G.N. *Ritmoobrazujushhie faktory v povesti I.A. Goncharova «Lihaja bolest'»* [Rhythm-forming Factors in the Story by I.A. Goncharov “A Wicked Illness”] // *Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 200-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova: sb. st. rus. i zarub. avtorov* [Proceedings of the V International Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of I.A. Goncharov: Collection of the Articles

of Russian and Foreign Authors]. Ulyanovsk: *Corporation of Promotion of Technologies Press*, 2012. Pp. 74–81.

Braginskaya N.V. *Nebo* [Sky] // *Mify narodov mira: Jenciklopedija: v 2 tt. 2-e izd. M.: Rossijskaja jenciklopedija* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 vols. 2nd ed.] M.: *Russian Encyclopedia Publishing House*; Minsk: *Dealer Press*; Smolensk: *Rusich Press*, 1994. V. 2. Pp. 206–208.

Bukharkin P.E. «*Obraz mira, v slove javlennyj*»: (*Stilisticheskie problemy «Oblomova»*) [“The Image of the World, Revealed in Words”: (Stylistic Problems of “Oblomov”)] // *Ot Pushkina do Belogo: Problemy pojetiki russkogo realizma XIX — nachala XX veka: Mezhvuz. sb.* [From Pushkin to Bely: Problems of the Poetics of Russian Realism of the 19th – Early 20th Centuries: Interuniversity Collection] / Ed. V.M. Markovich. SPb.: *St. Petersburg University Press*, 1992. Pp. 118–135.

Geyro L.S. “*Soobrazno vremeni i obstojatel'stvam*”: (*Tvorcheskaja istorija romana “Obryv”*) [“In Accordance with Time and Circumstances”: (The Creative History of the Novel “The Precipice”)] // *I.A. Goncharov: Novye materialy i issledovanija* [I.A. Goncharov: New Materials and Research]. M.: *Nasledie Publishing House*, 2000. Pp. 83–183.

Grodetskaya A.G. “*Pafos serediny*”: *ironija i avtoironija u Goncharova* [“The Pathos of the Middle”: Irony and Self-Irony in Goncharov] // *Goncharov: zhivaja perspektiva prozy: nauch. st. o tvorcestve I.A. Goncharova* [Goncharov: The Living Prospect of Prose: Scientific Articles on the Works of I.A. Goncharov]. Bibliotheca Slavica Savariensis. T. XIII. Szombathely: *University of West Hungary Press*, 2013. Pp. 38–49.

Goose N.A. *Hudozhestvennyj mir romanov I.A. Goncharova* [The Artistic World of I.A. Goncharov's Novels]. 2nd ed., corrected and suppl. Biysk: *Biysk Humanitarian and Pedagogical University named after V.M. Shukshin Press*, 2008. 217 p.

Kazakova S.K. *Ironija sud'by i ironija povestvovanija v romane I.A. Goncharova “Obyknoennaja istorija”* [The Irony of Fate and the Irony of Narration in I.A. Goncharov's Novel “An Ordinary Story”] // *Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 205-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova: sb. st. rus. i zarub. avtorov* [Proceedings of the VI International Scientific Conference Dedicated to the 205th Anniversary of I.A. Goncharov's Birth: Collection of Articles of Russian and Foreign Authors]. Ulyanovsk: *Corporation of Promotion of Technologies Press*, 2017. Pp. 14–25.

Kormilov S.I. *Stolbovoj dvorjanin i znaki social'nogo prestizha: chiny, ordena, tituly v “Oblomove” I.A. Goncharova* [A Pillar of Nobleman and Signs of Social Prestige: Ranks, Orders, and Titles in “Oblomov” by I.A. Goncharov] // *Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 200-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova: sb. st. rus. i zarub. avtorov* [Proceedings of the V International Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of I.A. Goncharov's Birth: Collection of Articles of Russian and Foreign Authors]. Ulyanovsk: *Corporation of Promotion of Technologies Press*, 2012. Pp. 131–143.

Krasnoshchekova E.A. *Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva* [Ivan Aleksandrovich Goncharov: The World of Creativity]. SPb.: Pushkin Fund Press, 1997. 494 p.

Loskutnikova M.B. *Motiv truda i novatorskij tip geroja – predprinimatelja i promyshlennika v romane I.A. Goncharova “Obyknovennaja istorija”* [The Motive of Labor and the Innovative Type of the Hero – Entrepreneur and Industrialist in I.A. Goncharov's Novel “An Ordinary Story”] // *Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 210-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova: sb. st. rus. i zarub. avtorov* [Proceedings of the VII International Scientific Conference Dedicated to the 210th Anniversary of I.A. Goncharov's Birth: Collection of Articles of Russian and Foreign Authors]. Ulyanovsk: *Corporation of Promotion of Technologies* Press, 2023. Pp. 142–151.

Loskutnikova M.B. *Polikul'turnoe ponimanie ironii v tvorchestve I. Goncharova i osobennosti issledovatel'skih pozicij* [Multicultural Understanding of Irony in the Works of I. Goncharov and Features of Research Positions] // *Rusistika i komparativistika: sb. nauch. st.* [Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles]. Issue 8. Vilnius: Lithuanian University of Education Press, 2013. Pp. 21–35.

Nedzvetsky V.A. *I.A. Goncharov – romanist i hudozhnik* [I.A. Goncharov as Novelist and Artist]. M.: Moscow State University Press, 1992. 176 p.

Nedzvetsky V.A. *Roman I.A. Goncharova “Oblomov”: Putevoditel' po tekstu* [I.A. Goncharov's Novel “Oblomov”: The Guide to the Text]. M.: Moscow State University Press, 2010. 224 p.

Otradin M.V. *Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste* [I.A. Goncharov's Prose in the Literary Context]. SPb.: St. Petersburg State University Press, 1994. 169 p.

Pavlovich V.V. *Recepcija A.V. Nikitenko romana I.A. Goncharova “Oblomov”* [Reception of I.A. Goncharov's Novel “Oblomov” by A.V. Nikitenko] // *Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 210-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova: sb. st. rus. i zarub. avtorov* [Proceedings of the VII International Scientific Conference Dedicated to the 210th Anniversary of I.A. Goncharov's Birth: Collection of Articles of Russian and Foreign Authors]. Ulyanovsk: *Corporation of Promotion of Technologies* Press, 2023. Pp. 311–325.

Postnov O.G. *Jestetika I.A. Goncharova* [Aesthetics of I.A. Goncharov]. Novosibirsk: *Science. Siberian Publishing House, Printing and Bookselling Enterprise*, 1997. 240 p.

Prutskov N.I. *Masterstvo Goncharova-romanista* [Mastery of Goncharov as the Novelist]. M.; L.: USSR Academy of Sciences Press, 1962. 230 p.

Zeitlin A.G. *Goncharov Ivan Aleksandrovich* [Goncharov Ivan Aleksandrovich] // *Literaturnaja jenciklopedija* [Literary Encyclopedia]: in 12 vols. V. 2. M.: *Communist Academy* Press, 1930. Columns 616–626.

Shaikevich A.Ya., Andryushchenko V.M., Rebetskaya N.A. *Distributivno-statisticheskij analiz jazyka russkoj prozy 1850–1870-h gg.* [Distributional

and Statistical Analysis of the Language of Russian Prose of the 1850–1870s]. V. 2. M.: YASK Press, 2016. 848 p.

Shutaya N.K. *Doroga k usad'be (na materiale romanov I.A. Goncharova)* [The Road to the Estate (Based on the Novels of I.A. Goncharov)] // *Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 200-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova: sb. st. rus. i zarub. avtorov* [Proceedings of the V International Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of I.A. Goncharov's Birth: Collection of Articles of Russian and Foreign Authors]. Ulyanovsk: *Corporation of Promotion of Technologies* Press, 2012. Pp. 58–65.

Erlich M.A. *Kljuchevye koncepty soznaniya peterburgskogo chinovnika v romannoj trilogii I.A. Goncharova* [Key Concepts of Consciousness of a St. Petersburg Official in the Novel Trilogy by I.A. Goncharov] // *Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 210-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova: sb. st. rus. i zarub. avtorov* [Proceedings of the VII International Scientific Conference Dedicated to the 210th Anniversary of the I.A. Goncharov's Birth: Collection of Articles of Russian and Foreign Authors]. Ulyanovsk: *Corporation of Promotion of Technologies* Press, 2023. Pp. 106–111.

Сведения об авторе

Лоскутникова Мария Борисовна – кандидат филологических наук, доцент; доцент департамента филологии института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет. Научные интересы: теория литературы, история русской литературы XIX–XX веков, компаративистика.

Information about the Author

Maria B. Loskutnikova – PhD (Philology), Associate Professor; Associate Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: literary theory, history of Russian literature of the XIX–XX-th centuries, comparative studies.